

Особых слов благодарности заслуживают представленные в книге иллюстрации, которые дают реальную возможность увидеть «лицо эпохи». Среди них отметим, в первую очередь, фотографию Гессена среди преподавателей и студентов историко-филологического факультета Томского университета, его регистрационную анкету для въезда в Чехословакию, письма А.Л. Бему, Вяч. Иванову, Д.И. Чижевскому и др.

В заключение еще раз вернемся к мысли, обозначенной в начале рецензии. «Гессеновский» том становится главой большой истории русской философии XX в., создающей (вместе с книгами, посвященными Ф.А. Степуно и Б.В. Яковенко) историко-философскую трилогию о судьбах редакторов русского «Логоса». Этим его заслуга не исчерпывается: составителями предложена четкая и функционально оправдавшая себя модель описания жизни и творчества Сергея Гессена во всем ее многообразии. По понятным причинам объективного свойства остались за пределами книги размышления о С.И. Гессене как оригинальном философе культуры, политическом публицисте и литературном критике российского зарубежья, деятельном участнике национальной философской и педагогической жизни Германии, Чехословакии и Польши, авторе «Современных

записок» и «Нового Града». Они могут составить содержание новой книги. И если таковая когда-нибудь появится, ее авторы начнут работу над ней с чтения антологии «Сергей Иосифович Гессен».

С.А. Дубровская

Дубровская Светлана Анатольевна – Центр М.М. Бахтина, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, 430005, ул. Большевикская, д. 68.

Доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Центра М.М. Бахтина, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

s.dubrovskaya@bk.ru

Dubrovskaya Svetlana A. – М.М. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russian Federation.

DSc in Philology, Professor, Vice Director of the M.M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–215–218

Jörn RÜSEN. **Evidence and Meaning: A Theory of Historical Studies** / Translated by Diane Kerns and Katie Digan. New York: Berghahn books, 2017. 250 p.

Йорн РЮЗЕН. **Свидетельство и смысл: теория исторических исследований***

Новая книга Йорна Рюзена, профессора истории и истории культуры в Университете Виттен-Хердеке, председателя правления Института культурных исследований (Эссен, Германия), а также почетного члена Academia Europaea, является заметным явлением не только в области изучения философии и теории истории, но и значима для социально-гуманитарных наук в целом. Это связано с тем, что книга дает ответы как на актуальные вопросы, стоящие перед теорией и методологией истории, так и намечает перспективы дальнейшей трансформации философии истории, дидактики истории и исследований памяти (memory studies). Центральной задачей книги является изучение проблемы самопонимания исторической науки и ее культурной функции, проблемы места и значения истории для актуальных целей и задач общественной жизни. Однако книга является и существенным шагом в сторону постановки проблемы согласования различных парадигм исторического мышления в мире и преодоления этноцентризма в исторических науках. В книге можно встретить возвращение к наиболее фундамен-

тальным идеям немецкого профессора, выказанным ранее в его трехтомной книге «Основания Историки» (Grundzüge einer Historik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989).

Автор последовательно рассматривает свой опыт систематизации основных категорий и понятий исторической науки. Первые три параграфа посвящены проблеме теоретического определения предмета и круга задач метаистории, а также антропологических оснований исторического мышления. Здесь же мы можем увидеть не потерявшую своей актуальности дисциплинарную матрицу. Следующие три параграфа посвящены описанию системы базовых концептов его теории, правилам и методу, а также типам историописания. Завершающие два параграфа возвращают нас к проблемам функции исторических наук в социальной жизни. Здесь мы встречаем рассуждения об исторической культуре и влиянии исторического мышления на практику образования (дидактика истории), политику (политика памяти). Здесь мы видим также анализ проблемы преодоления этноцентризма в современном историческом мышлении.

* Рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–511–00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

Смог ли автор предложить нам полноценную метатеорию исторических наук? В данном случае традиционные критерии оценки эффективности теории будут иметь лишь частичное значение, поскольку метатеория имеет как минимум несколько функций: описательную, объяснительную, предсказательную и предписывающую. Подробный анализ книги позволяет положительно ответить на поставленный выше вопрос. С точки зрения описательной функции метатеории книга немецкого исследователя подводит определенный итог целой эпохе попыток теоретического осмысления истории, начиная со второй половины XIX в. Задача метатеории Йорна Рюзена состояла в попытке вписать немецкую традицию истории (нем. Historik) в современный контекст рассуждений об истории и ее методологические принципы и дебаты. На этом пути автор намечает точки пересечения между реализмом и конструктивизмом в исторической теории, модернизмом и постмодернизмом, традициями аналитической и континентальной философии истории. Это хорошо видно на примере описания механизмов взаимодействия между материальной, формальной и функциональной философией истории. Другой пример – это анализ и сопоставление в работе трех типов исторического объяснения (номологическое, интенциональное, нарративное). Этому предшествует анализ сложности истины (девять измерений истины) и четырех типов правдоподобия в историческом мышлении (эмпирическое, теоретическое, нормативное, нарративное).

Не менее интересен анализ в книге метатеории Йорна Рюзена с точки зрения ее объяснительных возможностей. Здесь читателя ждет последовательно разворачивающаяся система категорий и понятий. Фундаментальными категориями, в контексте которых Йорн Рюзен предлагает свою метатеорию истории, являются время, человек и культура. Именно в контексте данных категорий автор разворачивает свое исследование исторического мышления, отвечая на вопросы о том, что делает мышление историческим и каково содержание, структура, формы, динамика и культурное значение исторического смысла. основополагающая позиция автора книги – это утверждение культурно-антропологического подхода к пониманию исторического мышления. Опыт времени для него – это «придание смысла случайностям человеческой жизни. Собираение времени происходит посредством исторического смысла» (р. 16). Процесс формирования исторического смысла и его влияние на культурную жизнь описываются автором через ряд понятий: исторический опыт, интерпретация, ориентирование, идентичность, мотивация, свобода. Далее он переходит к описанию категорий, типов, определений и понятий, репрезентирующих трансформацию

исторического смысла в исторической науке как таковой. И здесь нас снова ждет еще одна система. Автор ведет читателя через ряд понятий и категорий: исследование, исторический вопрос (эвристика), открытие, традиция и реликвии, эмпирическое исследование, критика, интерпретация. При этом интерпретативному контексту придается решающее значение: «интерпретирующие представления о времени не поглощают факты и не лишают их индивидуальной особенности, превращая их в абстрактный принцип. Вместо этого они выявляют определенное качество времени, особое историческое качество из фактов» (р. 140).

Только после этого автор переходит к ответу на вопрос о том, как мы пишем историю. Его позиция состоит в необходимости различать интерпретацию (когнитивный процесс) и репрезентацию (поэтический, эстетический и риторический анализ текстов) и в то же время рассматривать их в рамках метаистории. И факт, и вымысел рассматриваются в книге как стороны культурного значения, формируемого посредством повествования. Далее мы видим анализ различных типологий исторического нарратива в философии истории прошлого и настоящего, включая уже знакомые нам традиционный, поучительный, генетический и критический нарративы. Каждый из типов нарратива, фундированный особым способом понимания времени в человеческой культуре, также рассматривается в качестве особого стиля аргументации и способа исторического смыслообразования.

Стремление Йорна Рюзена рассматривать историописание как культурную практику придания времени смысла позволяет увидеть еще один существенный аспект объяснительного потенциала его работы. Речь идет о проблемах исторической культуры и исторической памяти. Йорн Рюзен не только расширяет свое определение исторической культуры, уточняет его типы и особенности динамики, проанализированные в его предыдущей работе «Историческое ориентирование» (Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln: Böhlau 1994). Историческую культуру он понимает как «результат нашего исторического сознания и его способность формировать смысл. Она включает в себе культурную практику ориентации человеческого действия и страдания во времени» (р. 168). Такое предельно широкое определение исторической культуры, с одной стороны, может создавать трудности для его внутренней дифференциации, но с другой – открывает перспективы соотношения с такими понятиями, как «культурная память», «мемориальная культура», «историческое сознание» и «воспоминание». Понимание всех этих категорий как различных способов практического уровня

культурной ориентации может способствовать преодолению существующего разрыва между дидактикой истории и исследованиями памяти (memory studies). Если дидактика истории отсылает преимущественно к категориям «историческая культура» (нем. Geschichtskultur) и «историческое сознание» (нем. Geschichtsbewusstsein, historisches Bewusstsein), то в среде memory studies более распространены категории «культурная память» (нем. Kulturelles Gedächtnis) и «мемориальная культура» (нем. Erinnerungskultur). В данном случае важна именно направленность на сочетание различных способов культурного овладения временем, за которым стоит практика человеческой жизни.

Исследовательская работа Йорна Рюзена в области изучения исторической культуры дает нам также возможность оценить его проект метаистории с точки зрения прогностического потенциала. Критики его работ неоднократно отмечали, что в его проекте метаистории мало внимания уделяется современным дебатам о «цифровой истории» (англ. Digital History), «цифровые гуманитарные науки» (англ. Digital Humanities) или Биг дата (англ. Big Data). И действительно, данные явления стали важной частью культурной практики последних лет, заставляя теорию истории реагировать на их трансформационный потенциал. Однако задача метатеории истории состоит не столько в охвате всех имеющихся проблем и подходов, сколько в выработке наиболее важных принципов и критериев человеческого отношения ко времени, темпоральности и истории. Цифровое пространство истории, по крайней мере на сегодняшний день, продолжает оставаться пространством человеческих отношений. И здесь важнее определить именно базовые принципы человеческого отношения к истории, времени и культуре и только уже потом показать их роль и трансформацию в контексте проблем цифровой культуры современности. Именно это и делает Йорн Рюзен, который подробно останавливается на проблеме преодоления этноцентризма в историческом мышлении и историописании. Характерно, что, намечая базовые формы этноцентрического отношения к истории, автор книги не столько ставит точку в исследовании данного вопроса, сколько открывает его для последующего анализа. Теоретический анализ этноцентризма Йорна Рюзена в этой связи как раз может быть использован в практике современного историописания, в области дидактики истории, а также и в сфере политики памяти.

Теоретический анализ проблемы преодоления этноцентризма в работе немецкого исследо-

вателя актуализирует также и предписывающую роль его метатеории. В данном случае речь идет о стратегии преодоления этноцентризма, которой Йорн Рюзен завершает свою книгу. Он показывает, что отсылки к гибридности или к культурному релятивизму проблеме этноцентризма в полной мере решить не могут, поскольку конфликты являются неотъемлемой стороной взаимоотношения культурных идентичностей. Исторический релятивизм, по его мнению, делает культурные конфликты неразрешимыми на уровне аргументативного мышления. Выходом является дальнейшее развитие и применение концепта гуманности как взаимного утверждения и признания культурных различий: «Наша собственная история движется к множеству различных точек зрения, которые относятся друг к другу через дискурс во взаимодействии между критикой и признанием» (р. 212). Важнейшей задачей в таком случае становится переход от исключающих (exclusionary) к включающим (inclusionary) понятиям человечества. Эту задачу немецкий ученый только намечает, оставляя для дальнейших исследований.

Книга Йорна Рюзена – это попытка, с одной стороны, вернуть теории истории философский статус, а с другой – сформулировать теоретическую платформу для согласования теории истории, дидактики истории и исследований памяти (memory studies). В этом он полностью созвучен с постметафизической философией, преодолевающей тотализирующее мышление и указывающей на вплетенность теоретических актов в практические ситуации.

*А.А. Линченко
(Липецк)*

Линченко Андрей Александрович – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал, Липецк, 398050, ул. Интернациональная, д. 12б.

Кандидат философских наук, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

linchenko1@mail.ru

Linchenko Andrei A. – Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch, 12b, Internatsionalnaya str., 398050, Lipetsk, Russian Federation.

CSc in Philosophy, scientific researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–218–220